

—

Линь Юэ с крайним изумлением посмотрел на дверь, но Шэнь Хуайчжи уже размашистым шагом вышел во двор.

Что это за человек такой? Одной фразой разбередил любопытство и тут же развернулся и ушел, да еще так быстро! Линь Юэ глянул на ночную темень за окном — будь на улице хоть чуточку светлее, он бы точно бросился вдогонку. Вот же наказание!

Как назло, сегодня Шэнь Хуайчжи мылся необычайно долго. Линь Юэ то садился, то ложился, ворочался с боку на бок, и лишь спустя долгое время Хуайчжи вошел в комнату с распущенными волосами, с кончиков которых еще капала вода.

Линь Юэ мгновенно выпрямился, сел по струнке, а на его лице появилась улыбка, в которой читалась почтительная предупредительность:

— Иди скорее сюда, я вытру тебе волосы.

Шэнь Хуайчжи, польщенный таким вниманием, посмотрел на него и встретился с сияющими глазами Линь Юэ, блеск которых не могла скрыть даже ночная мгла. Он вмиг всё понял и заговорил сам:

— Сегодня утром в городке я встретил Шан Вэньчэна. Он поднял шум у ворот поместья семьи Ян...

Услышав это имя, Линь Юэ нахмурился. По мере того как Шэнь Хуайчжи рассказывал, лицо Юэ менялось: сначала вспыхнул гнев, затем появилось сочувствие, а в конце он тяжело вздохнул. Его мимика была невероятно красноречивой.

— Я-то думал, что это мне не повезло, но этот молодой господин Ян оказался в еще более плачевном положении. Какая несправедливость свалилась на его голову! Шан Вэньчэн просто отвратителен. Хорошо, что молодой господин Ян оказался сметливым и не позволил ему расстроить свадьбу.

Сказав это, Линь Юэ хлопнул себя по бедру и возмущенно воскликнул:

— Откуда берутся такие самовлюбленные люди? Человек на него разок взглянул, а он уже вообразил, что в него влюбились, и во всеуслышание заявляет, что возьмет в жены! Бесстыдник!

Видя, как тяжело вздымается грудь Линь Юэ от негодования, Шэнь Хуайчжи испугался, как бы тот не задохнулся от злости, и поспешил погладить его по спине, успокаивая:

— Не сердись так. Семья Ян наверняка со всем разберется. Когда я уходил, все зеваки утешали молодого господина Яна, люди ему очень сочувствовали. Будь спокоен.

Линь Юэ покачал головой и с тревогой произнес:

— Ты же сам сказал, что сегодня Шан Вэньчэн позорно потерял лицо. Не решит ли он, что во всем виноват молодой господин Ян, и не станет ли искать случая для мести?

Шэнь Хуайчжи не ожидал, что Линь Юэ будет беспокоиться именно об этом. Поразмыслив, он

ответил:

— В доме господина Яна много слуг, он вряд ли выходит один. К тому же старый господин Ян — купец, объездивший весь свет, наверняка он и не таких видывал. Судя по тому, что он сегодня даже не вышел, Шан Вэньчэн для него — пустое место. Не переживай так сильно.

— К тому же, — продолжил Шэнь Хуайчжи, — Шан Вэньчэну еще сдавать уездные экзамены. Чтобы найти поручителей, он не посмеет открыто творить зло. А раз сегодняшняя история разлетелась по округе, случись что с молодым господином Яном — все сразу подумают на него. Это в какой-то мере свяжет ему руки.

Выслушав это, Линь Юэ заметно успокоился:

— Если так, то это к лучшему.

Видя, что печаль сошла с лица Линь Юэ, Шэнь Хуайчжи достал что-то из-за пазухи и протянул ему:

— Хочешь конфету? Это сладости со свадьбы молодого господина Яна, которые я сегодня получил, и еще две монетки. Давай и мы приобщимся к чужой радости.

Линь Юэ, явно проникшийся симпатией к молодому господину Яну и чувствуя с ним некое родство по несчастью, с радостью принял подношение и положил его у изголовья:

— Съем завтра, как проснусь. Я уже почистил зубы, не буду снова есть.

Шэнь Хуайчжи указал на свертки в промасленной бумаге на столе:

— А сладости будешь? Или тоже оставишь на завтра?

Только сейчас Линь Юэ заметил два свертка на столе — до этого всё его внимание было поглощено рассказом. Он недоуменно спросил:

— Зачем еще и сладости купил? В уезде всё наверняка втридорога. Я же просил тебя просто посмотреть. Ну что ты за человек!

— Лавочник сказал, что эти два вида — гордость их заведения. Один — пирожные из ямса с финиковой пастой, другой — пирожные фулинггао*. Их часто покупают. Вот я и решил взять тебе на пробу, чтобы было на что ориентироваться.

[*Фулинггао (茯苓糕, Fúlíng gāo) — это традиционное китайское лакомство, которое относится к паровым изделиям. Его название переводится как «пирог с порией» (пория кокосовидная — это древесный гриб, используемый в китайской медицине).]

Шэнь Хуайчжи достал из-за пазухи кошелек — тот самый, что вышел Линь Юэ.

— За переписку книг я выручил четыреста пятнадцать вэней. После покупки сладостей, бумаги и туши для моих нужд осталось двести сорок вэней. Возьми, сохрани их.

Линь Юэ и не знал, что Хуайчжи берет заказы на дом. Он встревоженно спросил:

— В восьмом месяце у тебя экзамены, зачем ты за это берешься? Учебу нельзя запускать. У меня еще есть деньги, заработок сейчас — не самое главное.

Сам он грамоте не учился, но слышал: в учении нельзя «три дня ловить рыбу, а два дня сушить сети». Это как с урожаем: если не приложишь сил и не будешь трудиться прилежно, то и всходы будут редкими и чахлыми.

Шэнь Хуайчжи погладил Линь Юэ по волосам, успокаивая:

— Не волнуйся, я не забрасываю книги. Переписка — это тоже повторение пройденного. Свои деньги тратить на себя, а о домашних расходах позабочусь я.

Линь Юэ нарочито строго взглянул на него:

— Разве мы не одна семья? Что за «ты» да «я»? Хочешь отгородиться от меня?

Шэнь Хуайчжи опешил. Хоть он и видел, что Линь Юэ притворяется, он всё равно испугался, что тот может рассердиться по-настоящему, и поспешил оправдаться:

— Я оговорился, не сердись.

После долгих уговоров Линь Юэ наконец сменил гнев на милость и взял кошелек.

— Деньги я положу в шкатулку, что стоит в ящике туалетного столика. Если понадобятся на расходы — бери сам. У нас в запасе еще несколько лян серебра, так что сосредоточься на книгах, а о деньгах не переживай.

Шэнь Хуайчжи замялся, но в итоге честно признался, что утром взял еще один заказ на переписку.

Линь Юэ: — ...

Не дав Линь Юэ и рта открыть, Хуайчжи пообещал:

— Клянусь, за эту книгу я возьмусь только после экзаменов. Это никак не мешает моей учебе.

Раз он так клялся, что еще оставалось Линь Юэ?

— Уже поздно, давай ложиться.

Но Шэнь Хуайчжи не спешил. Он в очередной (!) раз полез за пазуху и вытащил еще кое-что.

Линь Юэ подумал: «Что это за одежда такая? Откуда там столько места?»

Шэнь Хуайчжи тихо проговорил:

— Хотел купить тебе подарок, но времени было в обрез. Успел заскочить только в лавку сладостей и книжную лавку рядом с управой. Я купил кисть. Если ты хочешь, я в свободное время буду учить тебя грамоте. Если не хочешь — не беда, всё будет, как ты пожелаешь.

Линь Юэ замер, не в силах вымолвить ни слова. В детстве, когда он бегал играть к старому сюцаю Гао, тот научил его нескольким иероглифам. Родители, узнав об этом, хотели отдать его в школу, но Гао сюцай отказался принимать его. Он сказал, что отродясь не слыхивал, чтобы деревенские геры ходили в школу — грамоте учат только детей в знатных семьях. К тому же в школе одни мужчины, и Линь Юэ там не место.

Тогда он был совсем мал и, впервые увидев суровость обычно доброго дедушки Гао, больше к нему не ходил. За эти годы те знания почти выветрились из головы — он помнил только, как пишется его фамилия, потому что иногда от скуки выводил её прутиком на земле.

Голос Линь Юэ прозвучал как-то отстраненно:

— Я... я правда могу учиться?

Шэнь Хуайчжи не знал, о чем тот думает, и решил, что Юэ беспокоится о расходах. Он твердо сказал:

— Конечно. Дома остались мои детские прописи для начинающих. На первых порах на тушь и бумагу много не уйдет, не бойся.

Опасаясь, что Линь Юэ расстроится из-за медленного темпа, Хуайчжи добавил:

— Только времени у меня сейчас мало, так что учиться будем потихоньку. Если ты хочешь открыть лавку, мы можем сначала изучить простую арифметику, чтобы тебе было легче вести учет.

Линь Юэ усиленно закивал, сжимая в руках кисть и не желая с ней расставаться. Если бы он не боялся сломать её под подушкой, то непременно положил бы рядом с собой на кровать.

Лишь спустя долгое время Линь Юэ положил кисть на прикроватную тумбочку и улегся рядом с мужем. Луна к тому времени уже стояла в зените.

На следующее утро, когда Шэнь Хуайчжи встал, Линь Юэ еще крепко спал. Он не стал его будить, взял несколько кусочков сладостей, заново завернул их в промасленную бумагу и вышел во двор.

Сун Сюньчунь как раз умывалась. Шэнь Хуайчжи подошел и негромко попросил:

— Мама, я вчера поздно вернулся, Сяо Юэ ждал меня и поздно лег. Утром не буди его, пусть поспит подольше.

Сун Сюньчунь сначала кивнула, а затем шутливо проворчала:

— Вот ведь Юэ-гер, я же наказывала ему не ждать тебя!

Но лицо её просияло от улыбки. Нет ничего ценнее для матери, чем хорошие отношения между молодыми. Пусть спит — хоть всё утро, хоть весь день, если понадобится.

Время поджимало. Шэнь Хуайчжи сменил свой короб для книг на более вместительный и вышел за ворота. Сегодня в полдень ему нужно было забрать книги из лавки, а в старый короб столько бы не влезло — лучше поменять заранее, чтобы не было лишних хлопот.

Линь Юэ проснулся, когда солнце уже стояло высоко. Он в спешке оделся и выбежал во двор — там никого не было. Заглянув на кухню, он увидел, что на плите в тепле стоит завтрак. Его лицо мгновенно покраснело от стыда: нельзя было так долго спать.

Умывшись и поев, он решил прибраться. Не зная, на каком поле работают Сун Сюньчунь и остальные, Линь Юэ взял метлу и начал подметать двор. Закончив, он принялся за курятник и кормежку птиц. Кур у них было немного: пять несушек и один петух, который голосил каждое утро. Все они сидели в загоне — их почти никогда не выпускали, боялись, что они поклюют

овощи на грядках рядом.

Свинарник же стоял пустым. В позапрошлом году держали двоих свиней: одну продали, другую забили в конце прошлого года. В этом году денег было в обрез, и Сун Сюньчунь не стала покупать поросят. Риск с ними куда выше, чем с курами: один поросенок весом тридцать цзиней стоит больше трехсот вэней. К тому же поросята плохо растут поодиночке, их всегда стараются брать парой — а это уже минимум шестьсот вэней. Не каждый год такое по карману.

Заметив, что овощи на грядках немного поникли, Линь Юэ решил полить их вечером, как выкроит время. Сейчас было уже поздно — солнце нещадно палило, и полив в такую жару с большой вероятностью просто сгубил бы растения.

Несмотря на жару, время обеда еще не пришло. Линь Юэ собрал грязное белье, которое семья накопила за несколько дней, и принялся за стирку. За всеми этими мелкими хлопотами он и не заметил, как солнце поднялось в зенит. Закатав рукава, он зачерпнул ковш воды из чана, вымыл руки и отправился на кухню готовить обед.

Для тех, кто трудится в поле, рис на обед обязателен. Раз в несколько дней полагалось и что-то мясное, но сегодня Линь Юэ готовить мясо не стал. Вчерашние сладости, что принес Хуайчжи... Линь Юэ еще утром по запаху понял, что в пирожные из ямса добавлено масло. Сладости долго не хранятся, их нужно съесть сегодня — вот они и заменят собой сытное блюдо.

Жара всегда портит аппетит, поэтому Линь Юэ приготовил еще котел горохового холодного желе. Как раз когда он смешивал приправы, в дом вошел Шэнь Линчжи. Увидев на столе нарезанное желе, он радостно воскликнул:

— Брат, у нас с тобой и впрямь мысли сходятся! Я только что маме говорил, как хочется холодного желе, а тут прихожу — и оно уже готово!

Линь Юэ обернулся с улыбкой:

— Иди скорее сюда. Я сделал одну большую чашу приправы, добавляй себе сколько любишь. Отец с матушкой еще не вернулись?

Руки Шэнь Линчжи были в земле, и пока он говорил, уже успел выбежать умыться. Он высунул голову из-за двери и громко ответил:

— Скоро будут! У въезда в деревню мама увидела, что трава у дороги хорошая, и потащила отца её косить.

Линь Юэ:

— Вот и ладно, как раз к их приходу всё и накроем.

— Хорошо!

И действительно, за обедом самым популярным блюдом стала эта чаша кисло-острого, пробуждающего аппетит холодного желе.

—